

С. Г. Барышников, А. В. Невелев

ФОРМЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

S. G. Baryshnikov, A. B. Nevelev

FORMS OF TERRORIST ACTIVITY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

В статье рассмотрен социально-философский подход к раскрытию основных форм проявления террористической деятельности, которые существуют в реальности независимо от нашего знания о них. Осуществлен краткий анализ таких сложных форм как «вооруженный захват власти» и «хайджекинг». Подвергнуты критике с научных позиций отдельные положения нормативно-правовых актов РФ, классифицирующие различные формы терроризма.

Ключевые слова: *формы террористической деятельности, вооруженный захват власти, террористический акт, хайджекинг, захват заложников, политическое убийство.*

The paper carried out the socio-philosophical understanding of the basic forms of terrorist activities, which exist in reality independent of our knowledge about them. Such complex forms as «armed seizure of power» and «high jacking» had been analyzed. Criticized from the scientific point of certain provisions of laws and regulations of the Russian Federation, classifying different forms of terrorism.

Keywords: *forms of terrorism, the armed seizure of power, an act of terrorism, high jacking, hostage-taking.*

Террористическая деятельность, представляющая собой социально-деструктивный феномен, как предметно-практическая сторона терроризма, как абстракция, проявляется вовне в определенных способах своего существования, которые заключены в совершенно конкретные формы своего проявления вовне.

Современными учеными-террологами в различных областях знаний в последнее время довольно активно разрабатываются классификации терроризма по различным основаниям, выделяются формы его проявления, исследования осуществляются с учетом достижений научно-технического прогресса, результатов, полученных в различных областях наук.

Однако в таких классификациях, по нашему мнению, осуществляемых с позиций различных наук (политологических, социологических, психологических, криминологических, уголовно-правовых и т. д.), по своему уровню методологии исследования, в своих исходных методологических основаниях выделяются те классифицирующие признаки, которые соответствуют определенным положениям знаний этих частных наук. На данных основаниях предпринимаются попытки выделить формы терроризма (терроризм по политическим мотивам, уголовный терроризм, националистический, «транспортный», технологический, международный терроризм и т. д.), оторвать их от содержания (террористической деятельности), что, как известно, ведет к формализму. То есть, имеющиеся классификации

не вполне отражают существо проблемы, а разрабатываются лишь только с тех научных позиций, с которых она исследуется, так как этот процесс ограничен рамками и спецификой системы знаний, заключенных в указанных науках.

Формы террористической деятельности, выходящая абстракции конкретного, в соответствии с общей теорией ее развития, существуют объективно, независимо от нашего знания, и наша задача, с учетом направленности данного исследования, определить основные из них, их объемы и способы существования. После того как познанию удалось свести внешние, видимые, лежащие на поверхности формы террористической деятельности к внутреннему движению, к существованию, начинается собственно исследование их сущности, построение их теоретических моделей.

Сущность каждой относительно самостоятельной формы террористической деятельности многосторонняя, т.е. представляет собой совокупность внутренних необходимых элементов, сторон и связей, отношений между ними. Очень важно подчеркнуть, что философскую категорию «сущность» нельзя представлять в качестве главной части содержания или определяющей основы содержания изучаемых форм террористической деятельности.

Понятие содержания форм террористической деятельности всегда шире понятия их сущности, ибо отражает совокупность всех образующих их элементов. Но содержание, взятое в отрыве от сво-

С. Г. Барышников

ей внутренней формы, не выражает их сущности и является весьма неопределенным.

Сущность форм террористической деятельности представляет собой конкретное их диалектическое единство, поэтому сущность каждой относительно самостоятельной формы осуществления террористической деятельности как её явления, всегда глубже содержания каждой из них — таково одно из положений функции специально-методологических оснований общей теории террористической деятельности.

В проведенном ранее исследовании нами определены следующие основные формы террористической деятельности, имеющих актуальное значение в современности: вооруженный захват власти; террористический акт; хайджекинг; захват заложников; политическое убийство.

При определении форм террористической деятельности, мы исходили и из ее сущности, как социально-деструктивного феномена, но и из общей теоретической модели террористической деятельности, которая является общим выражением объективной диалектики этого явления, а также учитывали наши представления о ее дефиниции, как военной деятельности, направленной на подрыв или ослабление государства, против системы общественных отношений, на достижение террористами политических целей путем насильственного принуждения органов государственной власти. Кроме того, мы использовали понимание субъекта террористической деятельности, который представляет собой конкретных физических лиц, осуществляющих террористическую деятельность и использующих для достижения своих политических целей любые ее формы.

Формы террористической деятельности, выражая абстракции конкретного, в соответствии с общей теорией ее развития, в отличие от теоретических категоричных понятий исследователя, существуют объективно, независимо от нашего знания. В определении форм террористической деятельности нами совершенно сознательно отмечается их «политическая» составляющая, так как, в отличие от взглядов ряда ученых-террологов, террористическая деятельность, как социально-политическое явление, возникла, существует и развивается только в государственной политике (по поводу сохранения и укрепления государства), а все предложения связать терроризм с какими-либо другими проблемами, не затрагивающими политическую составляющую государственной власти, политическое насилие, должны рассматриваться (и рассматриваются) с позиций других наук, не имеющих отношения, по нашему мнению, к ее общей теории.

Если такие относительно простые формы террористической деятельности как «террористический акт», «захват заложников» и «политическое убийство» не требуют дополнительного пояснения, то на вооруженном захвате власти и хайджекинге необходимо остановиться подробнее.

Вооруженный захват власти (насильственное удержание власти) как форма террористической деятельности, представляет собой, по-сути, войну, военные действия, направленные на подрыв государственных институтов власти, свержение конституционного строя с последующей аннексией, либо установлением

политического режима, выгодного террористам в зависимости от их политических целей.

Не секрет, что эту форму террористической деятельности активно применяли (и продолжают применять) США, когда за последние 50 лет ими было свергнуто около 60 неугодных правительственных режимов в государствах, расположенных практически на всех континентах земного шара. Эта самая опасная и крайняя (однако — самая эффективная) форма террористической деятельности, с технологиями, доведенными до совершенства, активно применяется и сейчас, когда пишутся эти строки.

Прикрываясь «демократическими» лозунгами, США, совместно с отдельными государствами — членами Североатлантического альянса (НАТО), спровоцировали цунами «цветочных» революций, захлестнувших Ближний Восток и Африку. На глазах всей мировой общественности идет вооруженный захват власти в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене, Сирии, Саудовской Аравии, Бахрейне и Кот д'Ивуаре. Не хотелось бы составлять пессимистические прогнозы, однако есть все основания полагать, что к моменту представления настоящего исследования широкой общественности, перечень этих государств будет значительно расширен.

Вооруженный захват власти представляет собой самую сложную форму террористической деятельности, так как в процессе ее осуществления, как показывает практика, проявляются и другие ее формы, такие как: террористические акты, захваты заложников; политические убийства и др.

Хайджекинг как форма террористической деятельности (также достаточно эффективная), связана с осуществлением терроризма с использованием транспортных средств. Т. н. «хайджекинг» (от англ. hijacking — вооружённый захват и угон транспортного средства: автомашины, железнодорожного поезда; судна; корабля; самолёта, воздушное пиратство) также представляет собой одну из самых сложных форм террористической деятельности. Понятие «хайджекинг» охватывает своим содержанием понятие термина «скайджекинг», означающего захваты исключительно воздушных судов, первый из которых датируется 1930 г. Захват транспортных средств практически всегда сопровождается захватом заложников и может развиваться далее — в террористический акт¹.

Вполне очевидно, что предложенные основные формы террористической деятельности, объективно выражающие ее содержание, не «застывают» с течением времени, они текучи, подвижны, способны к перерождению, приобретая новую сущность. Так, например, изобретение человечеством наземных средств транспорта рождает такую относительно новую форму как хайджекинг, изобретение летательных средств — скайджекинг и т. д.

Исследователь В. Ю. Мальцева, например, также считает, что: «... по своему содержанию терроризм существенно не менялся на протяжении долгого исторического периода, но значительно трансформировались его формы проявления. Формы, как внешнее выражение содержания, с одной стороны, отражают содержание, а, с другой — специфику террористической деятельности, на которую накла-

дывают отпечаток социальные условия, традиции, психологические факторы и т. п.»².

Формы террористической деятельности, как указывалось выше, существуют объективно, независимо от нашего знания, выражают абстракции конкретного, и, в соответствии с общей теорией ее развития, осуществляются вовне. В разрабатываемые классификации, в отсутствие каких-либо теоретических оснований, зачастую искусственно «втискиваются» такие «формы», которые далеки от их категоричных философских понятий, и не имеют ничего общего ни с классифицирующими ее признаками (атрибутами), ни с сущностью самого понятия формы (кроме, конечно, лингвистического).

В самом деле, как можно считать формой террористической деятельности «заведомо ложное сообщение об акте терроризма», которая предлагается учеными-правоведами? Налицо не только разрыв философских категорий формы и содержания, но и явления и сущности! Эта «форма», на наш взгляд, должна квалифицироваться (исключительно в юридических науках) как «хулиганство» в чистом виде, так как ни по форме, ни по содержанию (особенно в контексте — «заведомо ложное»), и тем более, при определении сущности и явления, эта деятельность априори не может приобретать какую-либо форму террористической деятельности (даже второстепенную). Однако наше философское утверждение совсем не означает для антитеррористических органов пренебрежение и отсутствие реагирования на указанное «сообщение», наоборот, оно предполагает самую тщательную проверку этих «ложных сообщений», тем более что определенный процент из них (хотя бы даже мизерный), сопровождается проблемами террористического характера, и вот тогда оно становится формой (например, «террористический акт»).

Кроме того, предложенные «формы» террористической деятельности в Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» (март 2006 г.) предполагают: планирование, подготовку и финансирование террористического акта; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в плани-

ровании, подготовке или реализации террористического акта и др. По нашему мнению (и с точки зрения разделяющих наши взгляды ученых-правоведов), они укладываются в одно классическое юридическое понятие «соучастие», и с позиции социальной философии не являются отдельными формами террористической деятельности, а входят составными частями (элементами структуры) в теоретические модели: террористического акта; захвата заложников; вооруженного захвата власти и т. д., которые нами разработаны и рассмотрены в рамках каждой конкретной формы террористической деятельности в других работах. В нашем исследовании основные формы террористической деятельности (наиболее востребованные современными террористами) определены с точки зрения социальной философии, как объективные реальности, существующие независимо от нашего знания о них.

Однако необходимо также иметь в виду и другие формы террористической деятельности, не столь распространенные в современных условиях, но существующие (независимо от познания), зарождающиеся, и возможные в перспективе также к заключению в понятие «форма» и обуславливающие проявления такого терроризма, как: кибертерроризм (компьютерный терроризм); космотерроризм (терроризм с использованием космических объектов); биотерроризм; тектотерроризм; климатотерроризм; нанотерроризм и др., совершенно независимо существующие от нашего знания, а может быть и уже разрабатываемые террористами (в том числе, если хотите — потусторонние, паратерроризмы, не поддающиеся современным научным объяснениям, но, несомненно, также претендующие на существующие вне нашего современного знания о них — различные формы терро-измов).

Примечания

1. Об известных событиях 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке (США) см., напр. в *Süddeutsche Zeitung* — 2005. — 08 aug. — S. 1.

2. Мальцева В. Ю. Социальная философия // Генезис явления терроризм : сб. 3-й Междун. конф. «Мировое сообщество против глобализации, преступности и терроризма». — М., 2007. — С. 50.

Поступила в редакцию 30 мая 2011 г.

БАРЫШНИКОВ Сергей Геннадьевич, кандидат юридических наук, старший инженер, Учреждение Российской академии наук Институт минералогии Уральского отделения РАН, г. Челябинск. E-mail: SG.Baryshnikov@mail.ru

BARYSHNIKOV Sergey Gennadievich, PhD, senior engineer of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Mineralogy, Ural Branch of RAS, Chelyabinsk. E-mail: SG.Baryshnikov@mail.ru

НЕВЕЛЕВ Анатолий Борисович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск, E-mail: Nevelev@csu.ru

NEVELEV Anatoly Borisovich Ph. D., Professor, head. Department of Philosophy, GOU VPO «Chelyabinsk State University», Chelyabinsk, E-mail: Nevelev@csu.ru